

О МЕСТОИМЕННЫХ БЕСПРИСТАВОЧНЫХ НАРЕЧИЯХ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. КОНЕВЕЦКИЙ

На начальной стадии формирования сознания человека представление о времени не отделялось от представления о пространстве. Больше того, оно формировалось на основе движения в пространстве, поскольку пространственные отношения доступны непосредственному чувственному восприятию и являются как бы самоочевидными, тогда как отношения явлений во времени не даны наглядно. Поэтому, скорее всего, первыми мерами измерения времени служили меры пространства¹.

История языка убедительно подтверждает это философское положение и показывает, что во многих конкретных языках для выражения временных отношений используются в значительной мере те же слова, что и для выражения пространственных отношений; по сути, первые развиваются на основе вторых².

Общность происхождения пространственных и временных местоименных наречий русского языка обнаруживается в их морфологической структуре: как и пространственные наречия, наречия времени имеют в своем составе в первой части те же местоименные основы *kъ, *jb, *tъ, *sb, *inъ, *onъ, *ovъ, *vъsb, а во второй части — падежную форму древнейшей местоименной основы *dъ. О том, что общность эта уходит в глубокую древность, свидетельствует, во-первых, наличие сходных образований в ряде индоевропейских языков: санскрит. *kadā*, латин. *quando* „когда“, прусск. *kaden* „когда“, литовск. *kada* „когда“, *tada* „тогда“, *visada* „всегда“, осетин. *кэд* „когда“; во-вторых, существование во всех славянских языках большого количества различных вариантов наречий времени подобного образования: польск. *kiedy*, *gdy* „когда“, *wtedy* „тогда“; чешск. *kdy*, старочешск. *kehdy* „когда“, *tehdy* „тогда“, *vždy* „всегда“; словацк. *kedy* „когда“, *vtedy*, *teda* „тогда“, *vždy*

¹ А. Спиркин, Происхождение сознания, М., 1960, стр. 333–334, 412–413.

² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. 4, М.-Л., 1941, стр. 22; В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 375–376, 686; Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 255; Б. А. Серебренников, Отражение развития человеческого мышления в структуре языка, ВЯ № 2, 1970, стр. 48.

„всегда“; в. луж. *hdy, dy* „когда“, *tehdy* „тогда“, *vždy* „всегда“; н. луж. *gdy, dy* „когда“, *tegdy, tedy* „тогда“; болгар. *кога* „когда“, *тогава, тога* „тогда“, *всякога* „всегда“; серб.-хорв. *кад, када* „когда“, *тада, онда* „тогда“, *сад* „сейчас“, *овда онда* „иногда“, *свагда* „всегда“; словенск. *kadaž, kedaj, kdaj* „когда“, *tedaj* „тогда“, *sedaj, zdaj* „сейчас“, *vsegdaj* „всегда“; укр. *тоді* „тогда“, *іноді* „иногда“, *завжди* „всегда“; белорус. *тагды, тады, заўсёды, заўсягды*; русск. *когда, тогда, иногда, всегда*, диал. *когды* и др.

Происхождение первых компонентов у всех этих наречий очевидно, но их конечная часть давно уже является объектом спора. То обстоятельство, что *-гда* выступает общей частью у целой группы наречий, позволяло некоторым лингвистам, не вдаваясь в анализ этого компонента, называть его словообразовательным слогом³, суффиксом⁴; А. Дорич просто называет: наречия „на *-гда*“⁵. Первые попытки хоть как-то объяснить образование этих наречий основывались на чисто внешнем сходстве. Так, Е. Белявский считал, что в данном случае выступает родит. падеж местоименной основы и суффикс *-да* (*ког-да, тог-да*)⁶. Близкое к этому объяснение давал Я. Толмачев, но он еще уточнял, что к родительному падежу местоимения присоединялся родит. падеж существительного *год* (**kogo goda > когда, *togo goda > тогда* и т.п.)⁷. Эта точка зрения долго находила и все еще находит своих сторонников⁸. Многое как бы подтверждает ее: становление временных наречий связывается со словом временного значения (*год*); превращение знаменательного слова в служебное, сопровождаемое фонетическим упрощением (*года > гда*), — для русского языка явление обычное; кроме того, в русском языке, включая говоры, существуют такие образования, как *тогод, иногод, ежегод, ежелет, сегодня, тотчас* и др. Но наречия такого типа, конечно же, моложе наречий на *-гда* и не могли быть источником их образования. К тому же упомянутая точка зрения не проливала света на происхождение форм типа *когды*,

³ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русск. языка, М., 1959, стр. 157.

⁴ В. В. Богданов, Грамматика русского языка, М., 1897, стр. 253; А. Лескин, Грамматика древнеболгарского языка, Казань, 1915, стр. 206; С. Ф. Самойленко, Из истории восточнославянских местоимений, докторск. диссерт., Л., 1959, стр. 489.

⁵ А. Doritsch, Gebrauch der altbulgarischen Adverbia, Leipzig, 1910, стр. 97–105.

⁶ Е. Белявский, Этимология древн. церковн. слав. и русск. языка, сближенная с этимол. языков греч. и латинского, М., 1875, стр. 145.

⁷ Я. Толмачев, Аналитическая филология о составе и образовании русского языка, СПб., 1859, стр. 67.

⁸ А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 377; J. J. Mikkola, Urslavische Grammatik, Heidelberg, 1950, стр. 162; V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 197; С. Младенов, Этимологически и правописен речник на българския книжовен език, София, 1941, стр. 244; К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, М., 1969, стр. 122–123.

тогда. Это было подмечено уже давно, поэтому некоторые лингвисты пытались возводить *-гда* к общиндоевропейским местоименным образованиям **къда* или **кода*⁹. В этом уже больше истинного, поскольку учитывается древняя общность происхождения пространственных и временных наречий. Но и в этом случае все еще трудно объяснить звук *г* в *-гда*, который выступал уже в древнейших славянских письменных памятниках наряду с *к* (сравни старослав. *никъда* и *къгда*, *тъгда*, а изредка даже *тъгъда*). Более приемлемое объяснение, на наш взгляд, дают те лингвисты, которые возводят наречия типа *къгда*, *когда* к контаминациям древних общиндоевропейских наречных образований типа **къга*, **кога* и **къда*, **кода* (первый компонент выступает в именит. пад. ед. числа либо мужск., либо среднего рода)¹⁰.

Особенно доказательно эту точку зрения обосновывает Г. А. Ильинский, опираясь на большое количество фактов, взятых из славянских и других индоевропейских языков. Прежде всего, Ильинский доказывает существование в общиндоевропейском языке местоименной основы **gъ* и сложений, куда эта основа входила, выступающих как пространственные наречия (**koga*, **къга*, **kogy*, **къгу* и т. п.). Путем контаминаций этих образований с существующими параллельно образованиями, в которые входила местоименная основа **dъ*, возникали общеславянские формы **къгда* (из **къга* и **къда*), **kogda* (из **koga* и **къда*), **къгду* (из **къга* и **къду*), **kogdy* (из **koga* и **къду*), **къгдѣ* (из **къга* и **къдѣ*), **kogdѣ* (из **koga* и **къдѣ*) и т. п.¹¹. Такой взгляд на происхождение наречий времени позволяет объяснить и еще ряд вопросов. И прежде всего о параллелизме форм *къгда* — *когда*, *тъгда* — *тогда* и т. п., отмечаемом в старославянских и ранних древнерусских памятниках. Высказывалось предположение, что первичны формы *когда*, *тогда*, а формы *къгда*, *тъгда* образовались из них, по мнению А. Соболевского, вследствие перехода *о* в *ъ* в безударном положении¹² или, как представ-

⁹ Н. В. Горяев, Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896, стр. 148; К. Brugmann, Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, B. 2, Strassburg, 1897, стр. 350; E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1924, стр. 675.

¹⁰ V. Jagić, Das Leben der Wurzel *dě* in den slavischen Sprachen, Agram, 1871, стр. 58; Ф. Ф. Фортунатов, „Состав Остромирова евангелия“, Сб. статей в честь В. И. Ламанского, 1908, стр. 46; F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1952—1958, t. 2, стр. 139; J. Jahn, Slovanske adverbium, Acta universitatis palackianae Olomucensis, XVIII, Praha, 1966, стр. 44.

¹¹ Г. А. Ильинский, О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка, Прага, 1902, стр. 85, 106, 108; его же, Сложные местоимения и оконч. родит. пад. ед. ч. муж., средн. родов нечленных местоимений в славянских языках, М., 1905, стр. 108—119, 140; его же, Праславянская грамматика, Нежин, 1916, стр. 448—449.

¹² А. И. Соболевский, Общеславянские изменения звуков, Варшава, 1889, стр. 3.

лял А. Вайан, под воздействием форм типа **кѣдѣ*¹³. А. Мейе также более древними считал формы с начальными *ко-*, *то-* и т. д.¹⁴.

В свое время А. Лескин и Б. М. Ляпунов, опираясь на показания славянских языков, делали предположение, что в общеславянском языке уже было две праформы: с *кѣ-*, *тѣ-* и с *ко-*, *то-*¹⁵. Аргументы Ильинского позволяют говорить об этом с большей уверенностью.

Второй компонент *-гда* в самых ранних памятниках славянской письменности встречается в варианте *-гѣда* (*тѣгѣда*). Будь источником *-гѣда* какое-то знаменательное слово или сложение основ, то следовало бы как-то объяснить исчезновение срединного гласного (а все это относится к временам до падения редуцированных гласных). Когда-то Ляпунов и высказывался в том смысле, что в данном случае наблюдается очень древний случай выпадения неслогового *ѣ* вследствие тесного соединения слов в одной форме¹⁶. Однако если становление форм *кѣгда*, *тогда* и т. п. происходило контаминационным путем, то вполне вероятно, что контаминация могла давать разные равноправные варианты (**-гѣда*, **-гда*, **-гѣду*, **-гду*, **-гѣдѣ*, **-гдѣ*). Письменные памятники славянских языков и дают примеры такой вариантности. В некоторых случаях история становления современных наречных форм предполагает наличие *ѣ* в *-гѣда*¹⁷, но не был неправ и А. Лескин, когда говорил, что *ѣ* в *-гѣда* лишнее¹⁸.

Сложившиеся контаминационные формы **кѣгда*, **когда*, **кѣгду*, **когду*, **кѣдѣ*, **кодѣ* и т. п. первоначально должны были иметь пространственное значение, но конечные **-гда* и **-гду* придавали этим сложениям вид отложительного падежа ед. числа и творительного падежа множ. числа, которые еще в общеславянском языке одинаково хорошо выражали временное значение¹⁹. Вот почему в славянских языках с временным значением в основном удерживались формы на **-гда* и **-гду*, и лишь в древности очень ограниченно отмечаются еще формы на **-гдѣ*, дошедшие до настоящего времени в украинских *тоді*, *инді*. Дифференциация значений у одних и тех же образований повлекла за собой дифференциацию форм. Формы на **-да*, **-ду*, **-дѣ*

¹³ А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 243.

¹⁴ А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 377.

¹⁵ А. Лескин, Грамматика старославянского языка, М., 1890, стр. 173; Б. М. Ляпунов, Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи, СПб, 1899, стр. 50, 160.

¹⁶ Б. М. Ляпунов, Исследование ..., стр. 48, 280.

¹⁷ Б. М. Ляпунов, Исследование ..., стр. 51.

¹⁸ А. Лескин, Грамматика старославянского языка, стр. 173.

¹⁹ Г. А. Ильинский, О некоторых архаизмах и новообразованиях..., стр. 72.

сохранили пространственные значения²⁰, а формы на **-gda*, **-gdy*, **-gdě* прочно закрепили за собой временные значения.

Известная избирательность, проявившаяся в славянских пространственных наречиях, в такой же степени проявилась и во временных наречиях. Если в более ранние периоды развития славянских языков употреблялись как наречия на **-gda*, так и наречия на **-gdy*, то в более поздние происходит стабилизация в употреблении этих наречий. Западнославянские языки усваивают формы на **-gdy*, южнославянские — в основном несколько фонетически измененные формы на **-gda*, а в восточнославянских встречаем как формы на **-gdy* (украинск., белорус. языки, русск. диалекты), так и на **-gda* (русский язык).

В письменных памятниках древнерусского языка местоименные наречия времени данного типа представлены формами на *-гда*, *-гды*, *-гдѣ*: *когда*, *когды*, *егда*, *егды*, *тогда*, *тогды*, *тогдѣ*, *сегда*, *иногда*, *иногды*, *иногдѣ*, *оногда*, *оногды*, *овогда*, *всегда*, *всегды*. Наряду с ними в письменных памятниках отмечены формы на *-лды*: *колды*, *толды*, *инолды*, *вселды*. Все эти наречия даже в ранних памятниках выступают иногда с *ѣ* или *ь* в первом компоненте (*кѣ*-, *тѣ*-, *вьсь*- и т. п.), но чаще всего все-таки с *о* или *е* (*ко*-, *то*-, *се*-, *вьсе*- и т. п.).

Наречие *когда* (*кѣгда*) как вопросительное наречие времени со значением „в какое время?“ употребляется во весь письменный период: *Рѣша ему: равви, когда съмо приде?* ОстрЕв, 17, 1056 г.; *Ах, Моцарт, Моцарт! Когда же мне не до тебя?* Пушкин, Моцарт и Сальери. Нечастое употребление этого наречия в памятниках древнерусского языка объясняется, по-видимому, тем, что сами вопросительные конструкции редки и встречаются только в специфических жанрах. Кроме того, со сходным значением употреблялось еще и наречие *коли*. Но с 17 в. в складывающемся национальном языке наречие *когда* начинает преобладать в употреблении, чтобы затем в литературном языке стать единственным вопросительным наречием времени.

Префикс *ни*- мог сочетаться с наречием *когда*, и тогда это наречие приобретало значение „ни в какое время“. С этим значением *никогда* употребляется на протяжении всего письменного периода: *Странна и печальна не прѣзрѣхъ никѣгда, ниже въ тьмѣницахъ заключении...* ИзбСв, 45, 1076 г.; *Добрые люди обещали мне никогда не снимать с него медальона.* А. Островский, *Без вины виноватые*.

²⁰ См. наши статьи „О некоторых русских местоименных наречиях пространственного значения“ (Калботуга, XXIII-2, 1972) и „Еще о некоторых русских местоименных наречиях пространственного значения“ (Калботуга, XXIV-2, 1973).

Еще с дописьменных времен *когда* выступает и с относительным значением, то есть как союзное слово и даже как союз в подчинительных конструкциях, так как встречается в этой роли уже в самых ранних письменных памятниках: *вы подобни чловѣкъ комѣ, чающемѣ господѣ своего, когда възвратиться отъ брака*. ОстрЕв, 106 об., 1056 г.; *Кѣгда бѣше брани быти на поганѣя, тѣгда ся начѣша бити межи собою*. НовГЛет, 59, 13 в. Употребление *когда* с относительным значением было свойственно в основном книжному языку и до середины 17 в. было незначительным, поскольку с этой функцией выступали и другие формы (*егда, коли, как, яко...*). Но уже во второй половине 17 в. *когда* становится в литературном языке наиболее употребительным, а с 19 в. — основным.

Отношение условия к следствию есть в то же время отношение предыдущего к последующему. Поэтому на определенной стадии развития сложно-подчиненного предложения средство, выражающее временную связь, может стать средством для выражения условной связи²¹. Союз *когда* приобретает условное значение довольно поздно; самые ранние переходные случаи наблюдаются только с первой половины 17 в.: *Когда кто милостыни ради своей лампы не посылаетъ однакоже, хотя ея для недостатку масла не зажигают, также не снимаютъ*. ХРад, 89, 17 в.; *Пей воду, когда простово роду*. Пословица, 17 в. (СимПосл, 193). *Когда* как условный союз употребляется и сейчас, но все же только как разговорный (ССРЛЯ, 5, 1101).

Форма *кѣгды* отмечена с временным значением в памятнике 12 в.: *О гърдыни великая, да кѣгды ны обратитися на спасение*. Излат, 36 а. Позже эта форма, уже в виде *гды*, встречается изредка в документах, несущих явный отпечаток влияния западнорусского языка, в котором форма *гды* сохранялась под влиянием польского *gdy*: *А что вопрошаете пѣти Свѣтыи боже въ олтари: ино гды бывають сборныя церкви... попы поютъ во олтари одну толко послѣднюю...* Док. 1395 г. (АИ, I, 20); *а кѣды еси позволил им с паны радами твоими намовы чинити, они чотыре замки... мети хотели*. ПослИГ, 214, 1581 г. Еще один прорыв в сферу письменного языка формы *когды* наблюдается в конце 17 в., что было связано, по-видимому, с некоторой демократизацией делового языка в петровскую эпоху. Но и тогда форма эта встречалась нечасто и отмечена нами только с отрицанием *ни-*: *а сходу людемъ къ тои часовнѣ никогда не бываетъ*. Док. 1692 г. (АкХолм, 626); *что онъ никогда за торгомъ не вѣдитъ, извѣстно въ приказѣ*. Док. 1696 г. (АкУст, 1275). В литературном языке форма *когды* так и не закрепились, зато в русских говорах она наряду

²¹ Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, 1941, стр. 102.

с *когда* широко представлена и до настоящего времени в нескольких вариантах: *когды, когдысь, коды, кады*.

Наряду с этими формами в русских говорах распространены еще *ковда, ковды, колды*. На их образование существуют два совершенно противоположных взгляда. А. А. Потебня когда-то сделал попутное замечание, что в формах *ковды* и *колды* звук *г* переходит в звуки *в* и *л*²². А. И. Соболевский также утверждал фонетическое преобразование этих форм, только он считал, что сначала *г* переходит в *в*, а потом уж — *в* в *л* и что в русских говорах, таким образом, употребляются разные ступени развития формы *когды* — *ковды* — *колды*²³. Г. А. Ильинский резко возражал против такого взгляда на возникновение названных форм. Широкое сопоставление сходных наречных образований во многих славянских языках показывает, что наречия *ковди, товди* встречаются и в тех языках, которым чужд переход *г* в *в*. С другой стороны, анализ большого количества наречных форм разных славянских языков позволил Ильинскому выделить еще одну местоименную основу *ѡѣ, падежные формы которой входят в состав этих сложений. Ильинский считал наречия типа *ковды, колды* не менее древними, чем наречия типа *когда, когды*, и возникшими также контаминационным путем: *ковды* из *ковѣ + *кѣду, *колды* из *колѣ + *кѣду, *товда* из *товѣ + *кѣда, *толды* из *толѣ + *кѣду и т. д.²⁴.

Формы типа *ковды* и *колды* были живыми, но в письменный язык они проникали редко. Так, наречие *толды* встречается в памятниках делового языка с конца 15 в. (см. стр. 16). Во второй половине 18 в., когда в язык низкого стиля допускались просторечия, в речи персонажей комедий можно встретить *колды* и *толды*: *Ветъ я и сам не худ, колды как наряжуся*. Попов, Анята, 1772 г.; *Колды бы я тебе не баил, толды бы ты и турбацыл меня...* Матинский, Санктпетербургский гостиный двор, 1779 г.

Но устанавливающаяся нормативность языка письменных памятников все-таки избирала форму *когда* и сделала ее со временем нормой литературного языка. Формы же *ковда, ковды, колды* остались в живом языке, но лишь как достойные диалектов.

Наречие *егда*, как и все другие наречия, образованные от местоименной основы *ѣ, имело только относительное значение. С самого начала письменного периода *егда* выступало большей частью во временных конструкциях: *Въ днь онѣ паче егда сядеть на прѣстолѣ высоцѣ и прѣвѣзнесенѣ...* ЕвгПс,

²² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. 4, стр. 220.

²³ А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, СПб, 1907, стр. 124, 126, 130.

²⁴ Г. А. Ильинский, Сложные местоимения..., стр. 115, 121—126.

2 об., 11 в.; *Достоитъ быти священнику, яко свѣту, и егда есть самъ свѣтъ, тогда можетъ и иныхъ просвѣщати.* Док. 1430 г. (АИ, I, 69); *О, премудрый, — отвечал он мне, — егда велениям твоего гласа стихии повиновались и... учреждали в пустынях и дебрях обширные грады...* Радишев, Путеш. из Петерб. в Москву, 87, 1790 г. В роли временного союза *егда* употреблялось более часто, нежели *когда*, вплоть до середины 17 в. Со второй половины 17 в. *егда* начинает уступать свои позиции союзу *когда*, но до середины 18 в. остается еще достаточно употребительным. И лишь во второй половине 18 в. употребление его резко падает, так что в конце 18 в. *егда* если и использовалось, то только с целью архаизации, стилизации под старинную речь. Утрата *егда* связана с тенденцией освобождения от архаических наречий и союзов и заменой их более свойственными русскому языку. Вследствие разрушения существовавшего с древнейших времен параллелизма образований от местоименных основ **kъ* и **jъ* образования, генетически связанные с указательной местоименной основой **jъ*, утрачивались, так как становились все более чуждыми живой стихии русского языка. Образования же от местоименной основы **kъ* оказались наиболее жизнестойкими.

Неправ был Б. В. Лавров, когда утверждал, что союз *егда* до конца 17 в. не выступал с условным значением²⁵. *Егда* с условным значением встречается уже в 11 в. и нечастое употребление его с этим значением продолжалось до первой половины 18 в.: *Не убию ихъ, егда когда забудуть законъ твои.* ЧудГс, 52, 11 в.: *И на месте же своем... град возградити и всячески и неослабно притужити их Казани, егда коли будетъ мощно.* КазИст, 87, 16 в.; *не принуждаю къ нашей православной вѣрѣ, но егда, де, изволитъ богъ.* Док. 1720 г. (ДокАП, 353).

Отмечен и один случай употребления формы *егды* с условным значением: *Да чаяли бѣ, государь, божия помощи, егды бы о воровскихъ писмахъ выписка въ докладѣ явилась великому государю...* Док. 1699 г. (АкУст, 1459). Неширокое употребление союза *егда* с условным значением объясняется, по-видимому, тем, что в ранние века письменного периода были и более специализированные союзы *аче*, *аще*, *аже*, *оже*, а позже *егда* само начало утрачиваться.

Образованная от местоименной основы **сь* форма *сьгда* (*сегда*) отмечена нами только в двух памятниках: Чудовской псалтыри (11 в.) и Слове против ариан Афанасия Александрийского (сп. 15 в.). Эти памятники представляют собой русские редакции старославянских текстов, так что считать форму *сегда* свойственной древнерусскому языку вряд ли возможно. Употребление

²⁵ Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 102.

формы *сєгда* уже в 11 в. было пережиточным, что видно из неясного и явно не временного значения самого этого наречия. И. И. Срезневский определял значение *сєгда* как „вероятно“ и „подлинно“ (Срезн, 3, 320), а А. Вайан как „несомненно“²⁶. *Сєгда въ осбдении томъ не достало будетъ гражаномъ пища*. ЧудПс, 81; *Не при блаженбмъ же Давидѣ никако же бывшеи увѣдѣхомъ при Езекии же сьгда нѣколько дивльшесе убиению ассирѣнѣ*. ЧудПс, 211; *Едина сєгда и та же есть*. Сл. Аф. (Срезн. 3, 320). Значение „в это время“ уже с дописьменных времен имело наречие *нынѣ*, которое, по-видимому, и вытеснило очень рано из языка наречие *сєгда*. Употребление этой формы протопопом Аввакумом вероятнее всего следует считать новым аналогическим образованием, параллельным с *там-сям, туда-сюда*: *А лишю ея по временам кажу, спящую: тогда-сєгда дохнет*. 117, 1676 г.; *У меня жила Максимова попадьа, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сєгда дома побывает воруха...* 153, 1673 г.

Наречие *тогда* (*тѣгда*) с указательным значением „в то время“ употребляется широко во весь письменный период как в книжно-литературном, так и в деловом языке: *Тогда отвѣщавъ Исусъ рече ей: о жєно велія есть вѣра твоя*. ТурЕв, 1–2, 11 в.; *А коли, княже, поедешь въ Новгородѣ, тѣгда тобѣ даръ емати по постояниям*. Док. 1304 г. (ГрНП, 18); *Тогда к потоку с высоты, держась за гибкие кусты... спускаться начал*. Лермонтов, Мцыри.

Форма *тогдѣ*, вероятно, и так малоупотребительная в древнерусском языке, в язык письменных памятников проникала лишь эпизодически, но не позже 14 в.: *и тогдѣ строша мѣдяная врата и веря желѣзная сломи*. ВопрБог, 19, 14 в.; *А коли есмъ выѣхалъ изъ отчины исъ своее, исъ Перяславля, тогдѣ есмъ обѣтъ учинилъ...* Док. 1356 г. (АИ, 1, 3).

Несколько более употребительна была форма *тогда*. До 17 в. включительно она не была ограничена стилистически: *любы створю въ житии злаго своего сердца и тогда покаюся*. ХраМ, 170, 13 в.; *у васъ тогда рать была литовская подъ городомъ*. Док. 1301 г. (РЛА, 26); *да егда си отступля, тогда его отведут в Суздаль град*. Пов. о смерти Скоп.-Шуйск. 17 в. (РусП, 33); *приготована тогда была въ Москвѣ таковая ектиии форма*. Док. перв. трети 18 в. (ДелоФП, 73). Позже первой трети 18 в. форма *тогда* в письменном языке нами не зафиксирована, хотя, конечно, она продолжала жить и широко употребляться вне сферы литературного языка.

Подобно тому, как формы на *-гды* проникали в письменный язык по мере расширения круга пишущих, так в определенное время проникают в письменный язык и формы на *-лды*, несомненно, существовавшие в русском языке с древних пор, о чем свидетельствует их широкое распространение в русских

²⁶ А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, стр. 243.

говорах. Форма *толды*, использованная нестилистически, отмечена с конц: 15^м по начало 17 в.: *а хотѣлъ бы отецъ мои, и онъ бы толды жъ боярыни со мною послалъ*. Док. 1497 г. (ДопПЛ, 241); *И яз еще, государь, толды ни сал о том тебе...* ПослИВ, 229, 16 в.; *а крымскои царь толды воевалъ вашу государеву отчину Резань*. Док. 1629 г. (АкСиб, 582). Позднее форма *толды* перестала употребляться в письменном языке, перешла в разряд просторечий и в 18 в. если и использовалась, то только для стилизации в речи персонажей-простолоюдинов: *А как мошну лишь достанет, он толды и не вспомянет, в мире ль ты или в гробу*. Попов, Анюта, 1772 г. (см. еще пример на стр. 13).

Итак, из всех форм *тогда*, *тогдѣ*, *тогды*, *толды* русский литературный язык сохранил лишь *тогда*. Форма *тогдѣ*, редкая и в древнерусском языке, утратилась совершенно; следы ее, возможно, еще обнаруживаются в наречии *тади* из псковского диалекта. Остальные формы (наряду с *тогда*) сохраняются в употреблении в различных современных русских говорах. Кроме того, в говорах распространены так и не проникшие в язык письменных памятников формы *товда*, *товды*.

Наречие *иногда* в полном соответствии со значением местоименной основы *инѣ, входящей в его состав, передавало значение временной неопределенности, но оттенков этого значения было несколько:

а) „когда-то“: *ведоша же и къ фарисеомъ, иже бѣ иногда слѣпѣ*. ОстрЕв, 39, 1056 г.; *Отослалъ я его въ... пустую избушку... въ уповании томъ, что иногда не прибыли ль во оную избушку тѣ мои товарищи и готового припасу у нихъ не имѣется ль...* Док. 1760 г. (МСиб, 2, 227).

б) „когда-либо, когда-нибудь“: *И иногда, рѣхъ, достоинъ ли отяти, коли хотяче?* КанПр, 28, 13 в.; *лѣсъ весь вырубленъ, опасаясь, чтобъ иногда российское войско зимою чрезъ тотъ лѣсъ на Оландские острова пербраться не могло*. Док. 1743 г. (ДокФВ, 100).

в) „кое-когда“: *тыи же осужааше и Петрови о Корнили, инѣгда же и на Павла...* ЕфрК, 719, 12 в.; *сѣ дацкимъ королемъ былъ трижды, а иногда бывалъ и безъ короля*. Док. 1640 г. (АкИн, 229); *Мне иногда бываетъ страшно и до того тяжело, что я боюсь потерять голову*. Герцен, Былое и думы.

Наречие *иногда* со всеми тремя оттенками значения употреблялось в равной степени в языке книжно-литературном и деловом, но с середины 18 в. теряет значение „когда-то“ и „когда-нибудь“ и в дальнейшем остается в литературном языке только со значением „кое-когда“. Лексикон Памвы

¹⁷ А не с середины 16 в., как считал когда-то А. И. Соболевский. См. его Лекции по истории русского языка, стр. 124.

Берында 1627 г. еще отмечает у наречия *иногда*, кроме значения „кое-когда“ (88), значение „когда-то“ (476), но позже значение „когда-то“ приводится как „устарелое“ (А1, 3, 308; А2, 2, 1150; А3, 2, 273). Значение же „когда-нибудь“ ни одним словарем не отражается.

Форма *иногда* также отмечена с двумя оттенками неопределенного значения:

а) „когда-то“: *Былъ у тебе одинъ дѣтина, нашъ горожанинъ, а иногда не бывалъ, у васъ тогда рать была литовская подѣ городомъ.* Док. 1301 г. (РЛА, 26).

б) „кое-когда“: *А въ Новгородѣ хлѣбъ дорогъ... по двѣ коробки на полтину, иногда боле мало, иногда менши, иногда нѣгдѣ купить.* Новг-Лет, 425, 15 в.; *А кормъ въ дорогѣ давали на день по борану, а иногда по два...* Док. 1594 г. (ДипМП, 256).

По одному разу зафиксированы формы *иногда* и *иногда*: *его же иногда („когда-то“) под востоком солнечным слышахом далеке суца...* МЛС, 223, 15 в.: *и он ка мне в съезжаю избу иногда („кое-когда“) придет, а иногда не едет...* Док. 1646 г. (ПамНРЯ, 35).

Редкое употребление форм *иногда* и *иногда* и несколько более частое — *иногда* при преимущественном — *иногда* в письменных источниках разнообразных жанров показывает, что в древнерусском языке уже происходил отбор одной формы из ряда однозначных. Ею была форма *иногда*, ставшая со временем литературной. Форма *иногда* утратилась совершенно, а остальные и до настоящего времени бытуют в русских говорах наряду с формой *иногда*, которая, кстати, в говоре Мурманской обл. еще встречается в употреблении со значением „когда-то“ и „когда-нибудь“.

Наречие *иногда* и его параллельная форма *иногда* вследствие указательного значения местоименной основы *онъ*, совпавшей по значению с *тѣ*, должны были бы иметь значение „тогда, в то время“, но они приобрели новое для них значение неопределенности „недавно, на днях, когда-то“, с которым и употреблялись нешироко в памятниках письменности:

бояре рада... вора разговляли съ ними тыежь рѣчи... потому, как оногда въ пятницу съ ними передо мною разговаривали. Док. 1503 г. (ДипПЛ, 386); *и ты изволь на томъ зделоватца, как у нас оногдас говарено с Василемь...* Письмо втор. пол. 17 в. (ИстНРЯ, 98).

Како мя хотять яти, оногды цѣловали крестъ, рекуще: аще кто на кого будетъ, то на того будетъ крестъ и мы вси. ПВЛ, 172, 1377 г.; *Слышали есмы оногды въ пятницу разговоръ...* Док. 1503 г. (ДипПЛ, 386).

В литературном языке *иногда* (*иногда*) не выдержало конкуренции с другими формами, передающими значение неопределенности во времени,

и перестало употребляться. Однако о древности и былой употребительности свидетельствует широкое распространение этого наречия в современных русских говорах с многочисленными вариантами: *оногдась, оногдысь, онады, онодысь, оновда, оновдась, оновдысь, оновдых, онолда, онолды, онолдысь* и мн. др. Характерно, что в большинстве говоров эти формы употребляются преимущественно со значением „недавно, на днях“, которое кое-где несколько конкретизируется как „третьего дня“, но в некоторых говорах они сохраняют и более древнее значение „тогда“.

Местоименные наречия времени, хотя и восприняли от пространственных наречий всю систему форм, связанную с системой местоименных основ, но, по-видимому, не нуждались в такой градации значений, как пространственные. Поэтому ряд образований на *-гда (-гды)* совместили свои значения. Произошло это у наречия *оногда (оногды)*, это же видим и у наречия *овогда*.

Наречие *овогда (овъгда)* не могло быть живой формой в древнерусском языке, поскольку уже само местоимение *овъ* стало к тому времени архаизмом. Встречается это наречие только в книжно-литературном языке с двумя оттенками значения неопределенности:

а) „кое-когда“. Значение это обычно при повторении *овогда... овогда*, причем в данном случае представление о времени переходит в отвлеченное *то... то*; повторяющееся *овогда* может быть заменено наречием *иногда, другоици*: *Виждь убо како ти овъгда отьць сынъ обявляеть, овогда сынъ отьца, овогда духъ сына и отьца*. Изб, 4, 1073 г.; *и паки нача овъгда на два дъни алъкати, а другоици на всю недѣлю не въкушааше...* ЖНиф, 256, 1219 г.; *мы судим овогда право, овогда же и неправо*. Посошков, 51, 1724 г.

б) „когда-то“. Выступает обычно, если *овогда* одиночно, но употребление такое довольно редко: *и хотѣхъ высости, на немъ же стояховѣ, овогда же валяшеся долу...* ОткрАвр, 42, 14 в.; *Овогда мало державнии наши побеждаху казанцев*. КазИст, 75, 16 в.

Последние случаи употребления *овогда* относятся к первой четверти 18 в. В академических словарях 18–19 вв. это наречие сопровождается пометами „слав.“ (А 1, 4, 612; А 2, 4, 174), „церк.“ (А 3, 3, 88), что указывало на его архаичность. Живым языком наречие *овогда* было утрачено в далеком прошлом, так что в русских говорах оно сейчас совершенно отсутствует.

Обобщающее значение „постоянно, во всякое время“ имело наречие, образованное от местоименной основы *вьсь – *всегда (вьсьгда)*: *бывати тому же служению молитвы вьсегда и въ вечерняя и въ девятая часы подобаетъ*. ЕфрК, 270, 12 в.; *Къ церквамъ всегда прибѣгати*. Док. 1360 г. (АИ, 1, 4); *Он из Германии туманной привез учености плоды: вольнолюбивые мечты... всегда восторженную речь и кудри черные до плеч*. Пушкин, Евгений Онегин.

Употреблялось наречие *всегда* на протяжении всего письменного периода широко и во всех жанрах.

Некоторое употребление, и тоже как в книжном, так и в деловом языке, имела форма *всегда*: *а по пошлнѣ по староу всегда ходитъ яловица на праздникъ*. Док. 1391 г. (ПКр, 10); *И маеть тотъ новоставленнѣ всегда на божьихъ святыхъ литургияхъ евангелие чести*. КанПр, 903, 15 в.; *а онъ князь Дмитрии съ бояриномъ... Шереметевымъ всегда безсловно*. Док. 1624 г. (ДМест, 324).

Форма *вселды* тоже изредка проникала в язык деловых документов: *а отецъ князь Васильевъ княжь Юрьи вселды бѣгалъ отъ Ивана Морозова*. Док. 1579 г. (ДМест, 17); *многие татарова отъ гонбы обнищали, вселды подводы отпушаютъ съ шумомъ*. Док. 1629 г. (АкСиб, 592).

Из всех форм этой группы в литературном языке закрепились только *всегда*, остальные сохранились в диалектах:

В древнерусском языке были местоименные наречия времени и другого типа: *коли* и *толи*. По своему происхождению они являются одной из падежных форм древних местоимений **kolь*, **tolь*. Когда-то Ф. И. Буслаев считал эти формы отдельными местоименными основами²⁸, но позже А. Потебня²⁹, Г. А. Ильинский³⁰, А. И. Соболевский³¹, В. К. Поржезинский³² приходят к заключению, что **kolь*, **tolь*, **selь* и подобные им образования состоят из двух местоименных основ: **ko-lь*, **to-lь* и т. д. Местоимения эти очень древние и восходят к общеиндоевропейскому языку: считается, что **kolь*, **tolь* имеют одинаковое образование с латинскими *quālis* „какой“, *tālis* „такой“; литовские *kolei*, *kol* „пока“, *tolei*, *tol* „до тех пор“ также общего с ними происхождения. О существовании этих местоимений в древности свидетельствуют и их многочисленные остатки в современных славянских языках³³. Местоименный **kolь*, **tolь* в исторический период уже не было, но многие их падежные формы сохранились в виде наречий (*коль*, *толь*; *коли*, *толи*; *-колѣ*, *-толѣ*; *кольми*, *тольми* и т. п.). По своему исконному значению эти наречия были

²⁸ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, стр. 156, 157.

²⁹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. 4, стр. 222.

³⁰ Г. А. Ильинский, О некоторых архаизмах ..., стр. 55; его же, Сложные местоимения..., стр. 68–69, 71–72; его же, Праславянская грамматика, стр. 422.

³¹ А. И. Соболевский, Лингвистические и археологические наблюдения, вып. 3, Варшава, 1914, стр. 66.

³² В. Поржезинский, Сравнительная грамматика славянских языков, вып. I, М., 1916, стр. 95.

³³ А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1959, стр. 334–335; M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg, 1953–1958, стр. 529.

количественными³⁴. Но одна из этих форм еще в дописьменную эпоху приобрела временное значение. Это — *коли*, *толи* и т. п. В первом компоненте здесь признана форма именит. — винит. падежа ед. числа среднего рода от местоименных основ *kъ, *tъ, но относительно формы второго компонента мнения разошлись. Так, А. И. Соболевский и В. Вондрак видели в конечном *-ли* местный падеж ед. числа от местоименной основы **lъ*³⁵, по А. Мейе — здесь творит. падеж ед. числа³⁶, но Ильинский больше склонялся к отложительному падежу ед. числа³⁷. Имея в виду, что количественные наречия данной группы имели более узкое значение степени протяженности³⁸, можно предполагать, что значение протяженности во времени восприняла именно форма отложительного падежа, которая издревле легко приобретала временное значение³⁹.

Наречий данного типа в древнерусском языке отмечено только два: *коли* и *толи*. В роли временного и условного союза наблюдается остаточное употребление одноптипной формы *оли* (от местоименной основы *ъ)⁴⁰ и еще более редкое употребление формы *ели* (от местоименной основы *jъ) в роли условного союза (Срезн., 1, 823; 2, 659).

Наречие *коли*, существовавшее в древнерусском языке с дописьменных времен, встречается в памятниках уже с 11 в. Выступая с временным значением „когда“, это наречие часто имеет оттенок неопределенности — „когда-нибудь“. Особенно это заметно в вопросительных конструкциях, в условных придаточных предложениях: *не зови другъ твоихъ и сусѣдъ богатъ, еда коли ити, тя такожде възовуть...* ПандАнт, 24, 11 в.; *еси ли ся молилъ коли къ богу, да ти да съмъ рение.* ЖНиФ, 259, 1219 г.; *Аще кто коли приносяще двѣтшицъ болѣнъ кацѣмъ любо недугомъ одержимъ...повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему.* ПВЛ, 126, 1377 г.; *Да велѣлъ еси ихъ...спросить...о послѣхъ: коли посломъ быть.* Док. 1505 г. (ДипДИ, 127); *Что собачка, в соложке лежу: коли покормят, коли нет.* ЖАВ, 72, 1676 г.

На протяжении 11–15 вв. наречие *коли* отмечено только в книжно-литературном языке, а в деловой речи наблюдается лишь с начала 16 в. Как наре-

³⁴ Г. А. Ильинский, Сложные местоимения..., стр. 20; А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, стр. 243.

³⁵ А. И. Соболевский, Лингвистич. и археологич. наблюдения, стр. 66; W. Vondrak, Vergleichende slavische Grammatik, В. 2, Göttingen, 1924–1928, стр. 482.

³⁶ А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 356.

³⁷ Г. А. Ильинский, Сложные местоимения..., стр. 69.

³⁸ А. Лескин, Грамматика древнеболгарского языка, стр. 206.

³⁹ Г. А. Ильинский, О некоторых архаизмах..., стр. 72.

⁴⁰ О существовании в общеславянском языке местоименной основы *ъ см. Г. А. Ильинский, О некоторых архаизмах..., стр. 89–91.

чие *коли* после 17 в. нами не встречено. Словари фиксируют примерно то же: наречие *коли* приводится только в Лексиконе Памвы Берынды 1627 г., а позже *коли* дается как временной и условный союз.

Наречие *коли* в роли временного союза отмечено в памятниках древнерусского языка довольно рано — с 12 в. По-видимому, в русском языке эта функция развивается самостоятельно, так как в старославянском языке *коли* в качестве союзного слова не выступало⁴¹. В древнерусском языке *коли* в роли временного союза с 12 по 17 в. употреблялось в памятниках разных жанров и различной территориальной принадлежности: *А се я Всеволодъ... велѣлъ бити въ не (блюдо) на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаетъ*. Док. 1130 г. (ГрНП, 141); *А испрашиа, рече, или самъ разумѣи, коли ти дати въверицѣ*. КанПр, 24, 13 в.; *отець ваю добръ былъ, коли княжилъ у насъ*. СуздЛет, 372, 14 в.; *А коли отвелъ Олександръ... ту Гришкинскую деревню, а тутъ былъ Сава Савинъ сынъ*. Док. 1504 г. (АкАрх, 6); *коли ни дѣлаи квашенину, всегда прохладѣ*. Домостр, 73, 16 в.; *и то вельми пристойтъ прияти на тще сердце утрѣ, коли бываетъ моръ*. Травник, 83, 1672 г. Наибольшее употребление временного союза *коли* наблюдается в 15—16 вв., а уже с начала 17 в. оно постепенно сокращается; последние случаи такого употребления в письменном языке встречаются во второй половине 17 в. Позже оно сохраняется только в просторечии (А2, 3, 233), а в русских говорах широко распространено и до настоящего времени.

Подобно временному союзу *когда*, временной союз *коли* также приобретает и условное значение, но вполне четкого условного значения *коли* достигает очень редко. Самый ранний пример, где *коли* имеет оттенок условности, отмечен в памятнике конца 13 в.: *А Климъ моляше: коли хочае и за здравие и за упокои, а безъ просфурѣ*. Пандекты Ник. Черног. (Срезн, 1, 1254). Несколько чаще, но не очень широко *коли* как условный союз употреблялся в 15—16 вв., причем без какой-либо жанровой ограниченности: *Тако же и мы имѣмъ въру вашимъ судьямъ, коли судять нашу братью по крестному челованию*. Док. 1417 г. (ГрНП, 92); *почто губите себе, коли не можете перестояти насъ*. ИпатЛет, 113, 1425 г.; *коли болши казны, тогда болѣ и людеи*. Док. 1585 г. (ДипДИ, 951). Во второй половине 17 в. *коли* как условный союз встречается преимущественно в повестях и деловых документах с языком, близким к живой разговорной речи: *Коли он лошади твои оторвал хвост, и ты у него лошади свои не замаи до тех мест, у лошади выростет хвост*. Пов. о Шемяк. суде, 17 в. (РДС, 21); *Коли бы, государь, не Иванъ Исавъ отнималъ, и оне б меня сирату твоего до смерти убили*. Док. 1682 г. (ПамНРЯ,

⁴¹ В. Воядрак, Древнецерковнославянский сивтаксис, Казань, 1915, стр. 56—58.

58). Самый поздний случай нестилизованного употребления *коли* с условным значением в литературном языке отмечен нами в памятнике конца 17 в.: *Колѣ уже иначе быть не можетъ, взявше отпущение въсядемъ*. РимДеян, 26.

После 17 в. союз *коли* перестал использоваться в русском литературном языке, так как не имел четко выраженного значения. Уже в 17 в., в начальный период становления русского национального языка, начинается отбор союзов являющихся необходимым и достаточным средством выражения смысловых отношений. Для выражения временных отношений таким союзом в литературном языке стал союз *когда*, а для выражения условных отношений — *если*. Союз *коли*, хотя и оказался за границами литературного языка, как средство стилизации речи персонажей литературных произведений употреблялся и в 19 в., употребляется и сейчас. В украинском и белорусском литературных языках, наоборот, именно форма *коли* (как наречие и как союз) заняла господствующее положение и полностью вытеснила однозначные формы *егда* и *когда*⁴².

Конечное *и* в союзе *коли* не несет ни формальной, ни смысловой нагрузки поэтому оно без ущерба может отпадать. Случаи употребления союза *коль*, хотя и не частые, отмечены с начала 15 в.: *и коль къ намъ възьѣдуть, тогда мь вашъ товаръ отпустимъ къ вамъ на низъ*. Док. 1409 г. (РЛА, 139); *Аще отроци холости каютъ у насъ, яко блюстися блуда, да други съблюдетъ, коль любо*. СобЕр, 22, 16 в.; *Коль должно погибать, погибну не стена*. Княжнин, 124, 1770 г.; *Коль ты старый человек, дядей будешь нам навек...* Пушкин, Сказка о мертв. царевне. Еще и в начале 19 в. союз *коль* как условно-временной был свойственен литературному языку (А2, 3, 258), но уже к середине 19 в. он становится только условным (А3, 2,405). В современном русском литературном языке союз *коль* выступает как устарелый либо просторечный (ССРЛЯ, 5, 1157).

Наречие *толи* с временным значением „потом“ изредка встречается в письменных памятниках 12 – 16 вв.: *Оли мене прободъше, толи мои господинъ*. Стихирарь 1163 г. (Срезн, 3, 973); *аще волове ходять, толи испасуть ниву или виноградъ, да ся тепеть господинъ кравѣ*. УзКонст, 179, 13 в.; *Аще кто помыслить блудити, толи не можетъ, да пребудеть 40 дни поста*. МПок, 152, 15 в.; *толи яко блудницу сестру нашу имуть*. СокрПал, 32, 16 в. Наряду со значением „потом“ *толи* могло иметь и значение „до тех пор“: *Толи не будетъ межѣ нами мира, оли камень начеть плавати, а хмель почеть тонуть*. ПВЛ, 59, 1377 г.; *Толи не будетъ мира межѣ нами, елико же камень начеть плавати, а хмель грязнуети*. НовГЛет, 132, 15 в. Наречие

⁴² О. П. Безпалько, М. К. Бойчук и др., Исторична граматика української мови, Київ, 1962, стр. 370; Нарысы па гісторыі беларускай мовы, Мінск, 1957, стр. 255.

толи уже в древнерусском языке было архаизмом. Об этом свидетельствует редкое его употребление даже в книжно-литературном языке. После 16 в. *толи* в литературном языке не встречается, поэтому и не приводится ни в одном из словарей русского языка 17–20 вв. В русских говорах оно тоже почти не удерживается; к настоящему времени редкое употребление наречия *тали* „тогда“ сохранилось в брянском говоре („тали хунты были, а тяперь килограмы“).

Наблюдения над местоименными наречиями, имеющими обобщенное временное значение, по памятникам письменности за весь исторический период жизни русского языка позволяют заметить, что из всех форм на *-гда*, *-гды*, *-гдѣ*, *-лды*, *-ли*, употреблявшихся в письменном языке, далеко не все выдержали испытание временем. Формы на *-гдѣ*, очень редко встречавшиеся в употреблении, стали чужды русскому языку и не сохранились в нем даже в диалектах. Формы на *-лды*, эпизодически проникавшие в язык письменных памятников, не стали литературными, но до сих пор широко распространены в русских говорах. Наречные формы на *-ли* также стали достоянием диалектов. Формы на *-гды* долгое время (с 12 по первую половину 18 в.) выступали наряду с формами на *-гда*, хотя несколько уступали им в употребительности. Нередкое употребление форм на *-гда* и *-гды* в одном и том же тексте свидетельствует о их былом равноправии. Но у временных местоименных наречий проявилась та же тенденция, что и у пространственных наречий⁴³: начиная с половины 18 в., формы на *-гды* стали восприниматься как просторечные, а в литературном языке утверждаются формы на *-гда*. Из словарей только Лексикон Памвы Берынды 1627 г. отмечал формы на *-гды*: *тогда* (256), *всегда* (38); позже ни один словарь русского литературного языка их не приводит.

Но и формы на *-гда* не все сохранились в литературном языке: перестали употребляться как избыточные формы *егда*, *оногда*, *овогда*. Таким образом, современная система местоименных наречий на *-гда*, имеющих обобщенные временные значения, включает сейчас только вопросительно-относительное наречие времени *когда*, указательное наречие времени *тогда*, неопределенное наречие времени *иногда* и обобщающее наречие времени *всегда*.

Vilniaus Valstybinis pedagoginis institutas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1972 m. gegužės mėn.

---

⁴³ См. нашу статью „О некоторых русских местоименных пространственных наречиях“, стр. 111.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- A1** — Словарь Академии Российской, ч. 1—6, СПб, 1789—1794.
A2 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. 1—6, СПб, 1806—1822.
A3 — Словарь церковно-славянского и русского языка, т. 1—4, СПб, 1867—1869.
АИ — Акты исторические. Собр. и изд. Археографическою Комиссиею, т. 1—5 (14—17 вв.), СПб, 1841—1842.
АкАрх — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии (15—17 вв.), Русская Историческая Библиотека (РИБ), Т. 25, СПб, 1908.
АкИн — Акты о выездах в Россию иноземцев (1600—1640 гг.), РИБ, т. 8, СПб, 1884.
АкСиб — Акты, относящиеся к истории Сибири (1625—1630 гг.), РИБ, т. 8, СПб, 1884.
АкУст — Акты Устюжской епархии (16—17 вв.), РИБ, т. 12, СПб, 1890.
АкХолм — Акты Холмогорской епархии (1692 г.), РИБ, т. 25, СПб, 1908.
ВопрБог — Варфоломеевы вопросы богородице (14 в.), изд. Н. Тихонравовым, Памятники отреченной русской литературы, т. 2, М., 1863.
ГрНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова (12—15 вв.), изд. АН СССР, М.-Л., 1949.
ДелоФП — Дело о Феофане Прокоповиче (18 в.), Чтения ОИДР, 1862, кн. 1.
ДипДИ — Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранных, т. 1 (1488—1594 гг.), СПб, 1851.
ДипМП — Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. 1 (царствование Федора Иоанновича), СПб, 1880.
ДипПЛ — Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским, т. 1 (1487—1533 гг.), СПб, 1882.
ДМест — Дела о местничестве (16—17 вв.), Русский исторический сборник, т. 2 (кн. 1—4), М., 1838.
ДокАП — Документы по делу царевича Алексея Петровича, Чтения ОИДР, 1861, кн. 3.
ДокФВ — Документы Финляндской войны (1743 г.), Чтения ОИДР, 1881, кн. 4.
Домостр — Домострой Сильвестра (Коншинский список 16 в.), Временник ОИДР, 1849, кн. I.
ЕфрК — Ефремовская кормчая (12 в.), изд. В. А. Бенешевич, СПб, 1906.
ЕвГлс — Евгеньевская псалтирь, рукоп. ЛГПБ (Погод. 9), 11 в.
ЖАв — Житие протопопа Аввакума, ГИХЛ, М., 1960.
ЖНиф — Житие Нифонта (ростовское), 1219 г., изд. А. В. Рыстенко, Материали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови, Одесса, 1928.
Изб — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, изд. ОИДР, М., 1884.
ИзбСв — Изборник Святослава 1076 г., изд. В. Шимановский, Варшава, 1887.
ИЗлат — Златоструй Иоанна Златоуста, рукоп. ЛГПБ (Q n I 74), 12 в.
ИпатЛет — Ипатьевская летопись, Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. 2, СПб, 1908.
ИстНРЯ — С. И. Котков, Н. П. Панкратова, Источники по истории русского народно-разговорного языка 17 — начала 18 в., М., 1964.
КанПр — Памятники древнерусского канонического права (11—15 вв.), РИБ, т. 6, СПб, 1880.

- КазИст — Казанская история (16 в.), М.—Л., 1954.
 Княжнин — Я. Б. Княжнин, Избранные произведения, Л., 1961.
 Матинский — М. А. Матинский, Санктпетербургский гостинный двор. А. В. Кокорев, Хрестоматия по русской литературе 18 в., М., 1965.
 МЛС — Московский летописный свод конца 15 в., ПСРЛ, т. 25, М.—Л., 1949.
 МПок — Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (13—16 вв.), Чтения ОИДР, 1912, кн. 3.
 МСяб — Материалы для истории Сибири (середина 18 в.), Чтения ОИДР, 1867, кн. 1.
 НовГлет — Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (13—15 вв.), изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
 ОстрЕв — Остромирово евангелие 1056—1057 гг., фотолитография, СПб, 1883.
 ОткрАвр — Откровения Авраама (по списку 14 в.), изд. Н. Тихонравов, Памятники отеченной русской литературы, т. 2, М., 1863.
 ПандАнт — Пандект монаха Автioxа (по рукоп. 11 в.), М., 1913.
 ПамНРЯ — С. И. Котков, Н. И. Тарабаева, Памятники русского народно-разговорного языка 17 столетия, М., 1965.
 ПБер — Берында Памва, Лексикон славеноросский и имен толкование, Киев, 1627.
 ПВЛ — Повесть временных лет (по Лаврентьевскому списку 1377 г.), под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.
 ПКр — Памятники истории крестьян 14—19 вв., Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева, Памятники русской истории, вып. 6, М., 1910.
 Попов — М. И. Попов, Анюта. А. В. Кокорев, Хрестоматия по русской литературе 18 в., М., 1965.
 ПослИВ — Послания Иосифа Волоцкого (15 в.), М.—Л., 1959.
 ПослИГ — Послания Ивана Грозного, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, изд. АН СССР, М.—Л., 1951.
 Посошков — Сочинения Ивана Посошкова, изд. М. Погодин, М., 1842.
 РДС — Русская демократическая сатира 17 века, изд. В. А. Адрианова-Перетц, М.—Л., 1954.
 Радищев — А. Радищев, Избранное, Изд. „Московский рабочий“, 1959.
 РимДеян — Римские деяния (конец 17 в.), Изд. ОЛДП, вып. I, 1877.
 РЛА — Русско-ливонские акты (12—16 вв.), собр. К. Е. Напьерский, СПб, 1868.
 РусП — Русская повесть 17 века, ГИХЛ, М., 1954.
 СимПосл — Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок петровского времени (конец 17 — начало 18 столетия), изд. П. К. Симоны, вып. 1, СПб, 1899.
 СобЕр — Московские соборы на еретиков 16 века, Чтения ОИДР, 1847, кн. 3.
 СокрПал — Сокращенная Палея русской редакции (16 в.), Чтения ОИДР, 1881, кн. 1.
 Срезн — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3, СПб, 1893—1903.
 ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, Изд. АН СССР, т. 1—17, М.—Л., 1948—1965.
 СуздЛет — Суздальская летопись (по Лаврентьевскому списку 1377 г.), ПСРЛ, т. 3, вып. 2, Л., 1927.
 Травник — Русские престолярные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей 16 и 17 столетия проф. В. М. Флоринского, Казань, 1879.
 ТурЕв — Туровское евангелие 11 века, изд. Виленским учебным округом, СПб, 1868.

- УзКонст – Узаколения Константиновы, Русские достопамятности, Изд. ОИДР, ч. М., 1843.
- ХРад – Похождение в землю свяую кн. Радивила Сиротки 1582–84 г. Перевод польского перв. четв. 17 в., Приложение к Изв. Рус. Геогр. Общ., т. 15, Петербург, 1879.
- ХрАм – Книги временныя и образныя Георгия мниха (Хроника Георгия Амартола списки 13–14 и 15 вв.), изд. В. М. Истрин, т. 1, Петроград, 1920.
- ЧудПс – Чудовская псалтырь 11 в. (отрывок), изд. В. Погорелов, Памятники старославянского языка, т. 3, вып. 1, СПб, 1910.

ZU DEN NICHT PRÄFIGIERTEN TEMPORALEN PRONOMINALADVERBIEN IM RUSSISCHEN

A. KONEWECKIJ

Zusammenfassung

In diesem Artikel wird die Frage der Entstehung des Systems der nicht präfigierten Pronominaladverbien behandelt, die verallgemeinerte temporale Bedeutung haben. Dieses System entsteht als Resultat der Entwicklung von zwei morphologischen Typen der Pronominaladverbien, die in der Periode des Schrifttums mit temporaler Bedeutung auftreten, in Typen auf *-гда* und auf *-ли*.

Im Aufsatz wird auf das Gemeinsame in der Herkunft der temporalen und lokalen Pronominaladverbien hingewiesen, das auf das sehr komplizierte System der temporalen Adverbien in der frühen Periode des Schrifttums zurückzuführen ist. Parallel zur Vereinfachung des Systems der Stämme der Demonstrativpronomen sowie des Systems der lokalen Pronominaladverbien folgt auch in der Periode des Schrifttums die Vereinfachung des Systems der temporalen Pronominaladverbien.